

НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ИСТОРИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Европейская философия располагает различными историософскими моделями — античной, христианской, просветительской, либеральной и т.д., но только две из них — христианская и марксистская — и по причине их глубокой укорененности в российской культуре, и в силу выразительности позиций в отношении к нравственному смыслу истории заслуживают, на наш взгляд, особого внимания в связи с обсуждаемой здесь темой.

Христианская философия наполняет историю нравственным содержанием и сводит общественный прогресс к духовному совершенствованию человека. Как писал Вл. Соловьев, успех исполнения высшей задачи одухотворения или морализации человеческой солидарности зависит не от одних личных условий, а определяется непременно и общим ходом мировой истории¹. Исторический прогресс есть явление, подчиненное высшей цели, «он теряет всякое оправдание, когда обращается против того безусловного нравственного добра, ради осуществлении которого происходит все движение истории»².

Марксизм обвинил христианских философов, как, впрочем, и большинство предшествовавших К. Марксу мыслителей, в незаконном якобы стремлении объяснить историю исходя не из нее самой, а из каких-то высших и абсолютных критериев. С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, встать *над историей* значит занять враждебную науке позицию, а оценивать историю через призму нравственных абсолютов — впадать в грех морализаторства.

Классики марксизма не оставили потомкам ни одной работы, непосредственно посвященной вопросам морали, так что советским обществоведам пришлось ее «выводить» из социально-экономиче-

* *Мирошников Юрий Иванович* — заведующий кафедрой философии Уральского отделения РАН, член Ученого совета ИФиП УрО РАН, доктор философских наук, доцент.

¹ См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соч.: В 2-х т. Т.1. М., 1988. С.286.

² Там же. С.300.

ских отношений. Нравственные отношения определялись как аспект общественных отношений, источником которых являлись отношения в сфере материального производства¹. Отсюда нравственный идеал не мог быть понят вне его социально-классового содержания, вне связи с историей, в процессе которой он постоянно менялся². Логика исторического материализма отвергала нравственную оценку истории и, напротив, требовала нравственность оценивать исторически. Этические учения прошлого, как подчеркивали советские философы, были якобы не в ладу с историей, и вот теперь классики марксизма и их последователи утвердили между ними прочный союз на основе материалистического понимания истории³.

Россия, познакомившись с учением К. Маркса в конце XIX в., тут же обнаружила водораздел между марксизмом и христианством, осознанный как проблема нравственной цены общественного прогресса. Эту проблему решали М.А. Бакунин, Ф.С. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, М. Горький и многие другие российские мыслители и писатели. Теоретическая полемика, религиозные и художественные искания не смогли удержать россиян от социального эксперимента, от попытки решить мучительный вопрос революционным прыжком в социализм. Философский спор на многие десятилетия был прекращен полицейскими средствами.

Конец XX в. принес России новые испытания: перестройка, гласность, реформы... Впечатляющая картина разрушения СССР, слом его мощной идеологической машины, массированное вторжение в культурное пространство России западных идей либерализма, буйство литературных представителей «новых русских» — это все события последнего десятилетия, которые обнажили фальшь марксистско-ленинского понимания нравственности, но они же вновь поставили общество перед нерешенной проблемой соотношения истории и морали.

Христианство до сих пор играет основополагающую роль в западноевропейской и российской культуре, сильны его позиции и

¹ См.: *Титаренко А.И.* Структуры нравственного сознания. М., 1974. С.16.

² См.: Там же. С.9.

³ См.: Там же. С.6.

в философском познании. Христианство сформировало представление о равенстве всех людей, о том, что жизнь всех народов сливается в потоке всемирной истории. Смысл жизни и отдельно взятого человечества в целом христианство увидело в конечной победе добра над злом. Внимание христианства к истории, обнаружение ее смысла, ее движущих причин и конечных целей позволяет, на взгляд многих исследователей, считать христианскую мысль началом европейской историософии.

Исключительная историчность христианства основана на открытии им духовной свободы¹. С эпохи утверждения христианского мировоззрения в умах европейских историков возникла необходимость искать смысл исторических событий не только в добрых или злых замыслах людей, но и в нравственном содержании самих событий. Оказалось, что зачастую нравственные достоинства и недостатки исторических деятелей и их поступков несоизмеримы. «В результате идея истории, — как пишет М.А. Барг, — приняла форму теологии истории. Однако в далекой исторической перспективе это означало, что родилась философия истории»².

Радикальным новшеством по отношению к античному восприятию истории была ее интерпретация христианством как чего-то принципиально конечного и ограниченного. Открытие трансцендентных критериев исторического существования человека служило почвой для его нравственной оценки. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Как бы мы ни строили свое объяснение, сфера явлений может быть понята только из точки, находящейся вне ее, и обдуманый выход из этой сферы столь же безопасен, сколь неминуемо заблуждение, если слепо замкнуться в ней. Всемирная история не может быть понята вне управления миром. Приняв эту точку зрения, — продолжает В. фон Гумбольдт, — мы сразу обретаем то преимущество, что не считаем понимание событий завершенным посредством взятых из жизни природы объяснений»³. Идея нравст-

¹ См.: Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С.85.

² Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С.83.

³ Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Язык и философия культуры. М., 1985. С.302.

венности уничтожается, становясь трансфинитной идеей, и, напротив, укореняется, будучи приложима к конечным событиям¹. Печать вечности, которой грек метил все явления действительности, мешала ему подойти к последним с нравственных позиций, дать им этическую оценку. Христианство указало на объективный и абсолютный источник нравственности. Как и почему последующая философская мысль не смогла удержать эту высоту во взгляде на жизнь людей? Может ли современная историософия подчинить свои исследования этической доминанте? Вот вопросы, актуальность которых не вызывает сомнения тех, кто является современником краха марксистско-ленинской идеологии в России, распада и нравственного разложения постсоветского общества.

Хотя в советской идеологии слово «историософия» никогда не было популярным, тем не менее круг историософских идей в ней всегда был главным. Н.А. Бердяев в связи с этим замечал, что «марксистская философия есть прежде всего философия истории»². Историософская основа марксистской философии была полностью сохранена в рамках советской версии марксизма. Однако пора сказать, что эта основа не была целью уже у К. Маркса, и к ней менее всего подходят слова В.И. Ленина, сказанные им в энциклопедической статье «Карл Маркс» по поводу взглядов последнего. Там В.И. Ленин отметил «замечательную последовательность и цельность» представлений К. Маркса, «дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм»³. «Современный материализм» Маркса заключался в объяснении общественного сознания из общественного бытия. Корни общественных отношений он находил в материальном производстве на определенном уровне его развития. Авторские права К. Маркса на «современный материализм» бесспорны, так же как и то, что идеал коммунистического общежития — обобществление труда, его результатов и собственности на средства производства, падение го-

¹ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск. 1994. С.167.

² Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря // Судьба России. М., 1990. С.300.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.26. С.50.

сударственных и национальных границ между народами, общность жен и общественное воспитание подрастающих поколений (именно эти черты социализма видятся В.И. Ленину в соответствующем разделе «Карл Маркс») — родился задолго до «основоположника пролетарской идеологии». Составные элементы этого идеала прочитываются в платоновском «Государстве», в моровской «Утопии», в «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, в «Трактате о домоводческо-земледельческой ассоциации» Ф. Фурье и т.д.

К. Маркс подвел под «коммунистические идеалы своих предшественников рационализированный фундамент — «материалистическое понимание истории», опиравшееся на учение французских просветителей об общественном прогрессе, и считал это понимание научной теорией, впервые бросающей свет на законы функционирования и развития общества.

«Современная материалистическая» трактовка общественной жизни как преимущественно практической — «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.»¹ — посадила человека на короткий поводок материальных потребностей, заставила его кружить вокруг сферы производства материальных благ. С точки зрения Маркса, оказалось, что в сущности человек — субъект материального производства, все остальные формы его существования являются производными, вторичными, не имеющими своего собственного содержания. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, — писал В.И. Ленин, — пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»². Ленин выводил нравственность из интересов классов, из потребностей классовой борьбы и называл эту нравственность коммунистической, если она отвечала интересам пролетариата³.

¹ *Энгельс Ф.* Похороны Карла Маркса // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.19. С.350.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.23. С.47.

³ См.: Там же. Т.41. С.310.

Нравственность выпадала из поля зрения марксистско-ленинской идеологии как абсолют, как основополагающий элемент человеческого бытия. Земная конечность индивида, необходимость его ухода из жизни понимались как малозначашее событие в функционировании советского коллектива, реализующего себя в производительном труде, в различных формах социальной активности.

Россия восприняла идею коммунизма непосредственно от Маркса и строила «светлое будущее» с его именем на устах. Хотя могла бы с тем же успехом опираться на идеи Ж.А. Кондорсэ об общественном прогрессе. Как известно, этот представитель французского Просвещения считал главной причиной совершенствования рода человеческого взаимообусловленный прогресс науки и промышленности¹. Росту науки и промышленности сопутствуют успехи просвещения. Просвещение, считал Ж.А. Кондорсэ, делает людей друзьями человечества, единодушно содействующими усовершенствованию и счастью последнего². Свобода, знания и искусства смягчают и улучшают нравы. Ж.А. Кондорсэ отбрасывает сомнения Руссо в благотворности научно-технического прогресса как недостойные серьезного анализа³.

Маркса и Кондорсэ объединяет общее представление о вторичности нравственных потребностей человека, о возможности решения нравственных потребностей человека средствами науки, техники, производства и просвещения. За сциентистские иллюзии французских и немецких просветителей российскому обществу пришлось дорого расплачиваться.

Не достроив материально-техническую базу коммунизма, советское общество рухнуло, основательно скомпрометировав «современный материализм» К. Маркса и теорию прогресса Ж.А. Кондорсэ. Означает ли это девальвацию коммунистической перспективы в сознании широких масс? Нет, поскольку мечты советских

¹ Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С.250.

² См.: Там же. С.12–13.

³ См.: Там же. С.70.

людей о коммунизме опирались не на дух рациональности, а на нравственные чувства справедливости. Потребность в практической реализации моральных ценностей «царства свободы» не исчезла, а лишь временно ослабла под напором новых идеологических образов. Фиаско марксистско-ленинской теории, ее «научного» взгляда на историю высветило генетическую связь коммунистических идей К. Маркса с христианским учением о хилиазме и эсхатологии.

На родственность марксизма и других светских планов построения земного рая с христианством указывал В.В. Зеньковский. Дело в том, что начиная с эпохи Возрождения вытеснение церкви из важнейших сфер общественной жизни — процесс секуляризации — сопровождался попытками новых идеологов перенести христианское учение о Царстве Божием в земные условия. «Но как раз в силу этого психология культурного делания, — писал В.В. Зеньковский, — неизбежно заключает в себе дух утопизма, страстного ожидания всецелого и всеобщего, свободного и радостного воплощения идеала на земле. Отсюда неизгладимая печать романтизма в светской культуре по ее существу — в ней научные, социальные и иные идеи сочетаются с социально-политической мечтательностью»¹. С этой точки зрения понятна взаимодополнительность в учении Маркса «материалистического понимания истории» и доктрины коммунизма, синтез которых кажется естественным лишь в контексте европейской культуры, органически впитавшей в себя христианские ценности.

На тяготение марксизма к христианству обращал внимание Н.А. Бердяев. Он справедливо полагал, что марксистская концепция истории несет в себе элементы предопределения и хилиазма, но, конечно, не в религиозной, а в секуляризованной форме. Н.А. Бердяев находил в учении Маркса «стремление сочетать притязания просветительного разума с мессианскими притязаниями... потому что это — притязание на единственное, несущее свет, сознание — свет, претендующий быть не одной из идеологий, но единственной

¹ *Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1, ч.1. Л., 1991. С.82.*

и окончательной, окончательным светом, изобличающим тайну исторического процесса»¹. Подобное же мнение мы можем встретить в современной философской литературе. Так, К.М. Кантор утверждает: «Марксизм не отменил и не заменил собой христианство, а дополнил его»².

Подчеркнем, что советских людей в марксизме привлекало не «материалистическое понимание истории», их завораживали не цифры надоев молока, не число тракторов, выпущенных из заводских ворот, а мистика марксдова скачка из «царства необходимости» в «царство свободы», из бесчеловечной среды буржуазного общества в светлый мир чистых отношений между людьми. Марксизм-ленинизм утвердился в России на нравственном пафосе коммунистической идеи и нещадно эксплуатировал ее гуманистический потенциал.

Трудно предположить, что нравственная ориентация в постсоветском обществе претерпела радикальные изменения. Вряд ли большинство россиян мечту о справедливом и счастливом обществе в короткий исторический срок отождествит с модной нынче моделью экономического, политического, информационного, этического и т.д. либерализма, с моделью, которую россиянин отверг в 1917 г., которую он считал антиподом своего образа жизни вплоть до начала 90-х гг. XX в. Уверенность Ф. Фукуямы по поводу того, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных оппонентов, не основательна³. Массовый отказ бывших советских людей от марксизма, конечно, не означает автоматического обретения ими христианского мироощущения, но еще не менее правдоподобно предположение об однозначной их переориентации на ценности либерализма. Возврат к традиционной религиозности, пусть это кем-то понимается даже как «кара за грехи марксизма» (К.М. Кантор), более естественен и более вероятен в условиях России.

Как можно модернизировать марксизм и кто откликнется на призыв участвовать в капитальном ремонте этого учения, пока трудно сказать. Однако уже сейчас ясно, что всем бывшим «работ-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. С.11–12.

² Кантор К.М. История против прогресса. М., 1992. С.144.

³ См.: Фукуяма Ф. Конец? // Вопросы философии. 1990. № 3. С.134.

никам идеологического фронта» придется переосмыслить учение Маркса–Ленина, в частности их философию истории. Несомненно, что какая-то часть российских гуманитариев повернет (и уже повернула) к историософии христианства. И в том и в другом случае следует ожидать, что нравственный смысл истории станет основным методологическим принципом ее изучения и ее философского осмысления. Основой современной историософии необходимо считать тезис о том, что «в мире существуют нравственные устои, нравственный порядок, — как об этом пишет Е. Анчел. — Людям свойственна некая изначальная потребность в них»¹. «Ясно, — в другом месте утверждает она, — что коль нет нравственного порядка в мире, то и внутренний мир человека не наделен неким заданным нравственным порядком»². Проблема объективного источника морали имеет множество решений. Но заметим, что, во-первых, России ближе всего традиционный религиозный ответ на этот вопрос. А во-вторых, спорность решений не может поколебать безусловного факта наличия в мире нравственного закона — факта, провозвестниками которого были Платон, Иисус, Локк, Руссо, Кант, Соловьев.

¹ Анчел Е. Этнос и история. М., 1988. С.115.

² Там же. С.37.